

**Флаг, герб, кокарды и пуговицы:
сепаратистские тенденции в символике
Всевеликого войска Донского (1918)**

«Не признав власти комиссаров, мы принуждены были создать государственную власть здесь, к чему мы никогда раньше не стремились. Мы хотели лишь широкой автономии, но отнюдь не отделения от России», — говорил в последние дни 1917 г. донской атаман генерал А.М. Каледин. В более сложном положении находился другой атаман — генерал П.Н. Краснов, с весны и до поздней осени 1918 г. в условиях гражданской войны и развала империи строивший новое государственное образование — «Всевеликое войско Донское», которое имело и собственную символику.

Согласно Основным законам, принятым 4/17 мая 1918 г. и в части о флаге подтвержденным в редакции 15/28 сентября, донской флаг состоял «из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой», обозначавших соответственно казаков, калмыков и «русских крестьян», для которых каждая из полос якобы представляла их «национальный цвет». Показательно, что такое толкование почиталось бестактным в рядах Добровольческой армии, и генерал Б.И. Казанович позже возмущался: «Таким образом, красное знамя интернационала признавалось русским национальным флагом...».

Бестактность, очевидно, была налицо, но злого умысла в ней не было. «Петербургский казак» и старый гвардейский офицер Краснов был, думается, вполне искренним, когда писал в воспоминаниях о новом флаге: «Немногие понимали значение его как переходного флага. Не понимал его и Деникин». И когда командующий Добровольческой армией генерал А.И. Деникин в ответ на разработанную на Дону в середине лета 1918 г. «Декларацию Доно-Кавказского союза» тогда же писал: «Пункт IV устанавливает особый флаг Державы, в то время когда вряд ли допустимо иметь какой-либо другой флаг, помимо родного русского», — Краснов, вероятно, не менее искренно, сделал пометку: «Согласен». Говорил об этом атаман и публично, как, например, при открытии Большого войскового круга 16/29 августа — об ожидаемом времени, когда «снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-синекрасный русский флаг». А в утвержденной 31 октября / 13 ноября новой редакции главы «О флагах» Морского устава учреждались «военный флаг Всевеликого Войска Донского» на основе традиционного Андреевского («белый флаг с синим Андреевским крестом и войсковым гербом, помещенным в центре креста») и вымпел на ос-

нове старого вымпела («военный флаг с длинной белой полосой с [двумя] косицами»).

Правда, композиционные параллели с флагами, существовавшими на русском флоте до революции, на поверку оказываются весьма поверхностными. На Георгиевском флаге и вымпеле изображение в центре Андреевского креста — Святого Георгия Победоносца в красном щите отсылало не к гербу Москвы, а к ордену Святого Георгия (и лишь опосредованно через него — к «гербу Московского царства»), варианты же государственного герба (на самом деле — фрагменты императорского штандарта) на Андреевских флагах членов императорской фамилии определяли место в династической иерархии; соответственно «Андреевский флаг с Донским гербом» при более точно соблюдаемой аналогии должен был обозначать не «военный флот государства», а «высшее лицо в государственной иерархии» или быть «наградным» (подобным Георгиевскому). Таким образом, вексиллологический язык был прочитан и понят довольно плохо, хотя сама попытка воспринять дореволюционную традицию, конечно, неоспорима.

Не забудем, однако, и еще одну область, насыщенную символикой, — военную форму. И хотя Краснов писал в 1918 г.: «Теперь, когда ничего достать нельзя, не приходится думать строго о форме», — не думать не могли, как в увлечении новым государственным строительством, так и потому, что на гражданской войне даже внешнее противопоставление враждебных сторон приобретало повышенное значение. Четыре года спустя Краснов вспоминал о тех днях: «Была мысль одеть Донскую армию в особую от Русской форму, но этому воспротивились Командующий Армией генерал Денисов и Атаман», — и... скорее всего лукавил, ибо вряд ли мог накрепко забыть собственные приказы, не столь уж давно изданные.

Приказом от 25 июля / 7 августа 1918 г. было объявлено подписанное самим Красновым «Описание формы обмундирования чинов конвоя Донского Атамана Всевеликого войска Донского (sic. — *А. К.*)», которым, в частности, устанавливались «кокарда из 3-х цветов: красного, желтого и голубого» и пуговицы «металлические, плоские, с выпуклым изображением нового Герба войска Донского». Таким образом, отменялась старая русская кокарда, да и замену одной государственной символики на другую на пуговицах вряд ли следует считать чем-то маловажным. Можно было бы предположить, что столь радикальное нововведение относилось лишь к атаманскому конвою, незначительному на общем фоне Донской армии, однако этому противоречат как слова из того же «Описания...» — «пуговицы общие с Донским Гербом», — так и красновский приказ от 24 августа / 6 сентября о форме «самолетных и броневых частей». В нем кокарда описывалась даже более подробно: «существующего

офицерского образца (то есть предполагалось, что общеармейская кокарда была уже установлена? — А. К.), лучи оксидированного серебра, глазок Войсковых цветов: в середине алый, затем желтый и синий», — и за отсутствием других источников остается пока лишь гадать, было ли разночтение в двух описаниях («голубой» — «синий») случайной небрежностью, или конвойцам, носившим голубые погоны с желтым кантом (у офицеров — голубой просвет), и кокарда была дана в своем, особом варианте. Не забыты оказались и пуговицы, хотя на походном мундире технических войск они и полагались «черные косяжные»: оставались еще «погоны шинели» с пуговицами «металлическими, приборного цвета, с выпуклым Донским гербом».

Правда, едва отштамповав пуговицы «нового» образца, их пришлось бы (если приказы были вообще хоть в какой-то мере воплощены) почти сразу же заменять на «новейшие»: 15/28 сентября Большой войсковой круг в новой редакции Основных законов изменил государственный герб, и им вместо «нагого казака в папахе, при шашке, ружье и амуниции, сидящего верхом на бочке» стал «в голубом щите черный стилизованный степной “Елень (олень) пронзен стрелой” — старый герб до-Петровского Донского казачества». При этом сомнительная с исторической точки зрения ссылка на казачью старину представляется далеко не главным мотивом для замены: первый «красновский» герб выглядел довольно легкомысленно, и, по нашему мнению, именно он породил ироническое именование «Всевеликого войска Донского» — «всеселым».

Кокарда — один из главных элементов воинской символики; пуговицы, конечно, менее важный, но при помещении там государственного герба не стоит недооценивать и их. И выбор новой цветовой или геральдической символики — это в то же время и отказ, отвержение старой, даже если кокарды и пуговицы не изготавливались в действительности (для Донской армии в целом так, очевидно, и было). А потому реформа обмундирования, объявленная приказами атамана Краснова, вместе с рядом других его действий остается одним из свидетельств сепаратистских тенденций во «Всевеликом войске Донском».